

***

«Земную жизнь пройдя до середины»...

Данте

Фиалки деликатный аромат,
багульника тяжелое дыханье,
шиповника и роз пчелиный яд,
подснежника прозрачное молчанье,
лабазника с кипреем чехарда,
то синяя, то белая с подбоем, –
всё это наводнение и орда
над вечно торжествующим покоем,
над памятью, за памятью, внутри –
куда девать цветение полыни? –
ещё одно цветенье подари –
земную жизнь в последней половине...

***

посвист ветра над лощиной –
кружит снег над мертвой глиной,
небо все темней,
человек ли? – зверь ли? – ветка? –
на дорожку ляжет метка
следом от саней...

Все равно темно и голо,
повторяет ветер соло,
след почти исчез...
в каждой сказке есть темница –

то ли кошка, то ль девица, –
в каждой сказке – лес.

Только здесь он тонкий, хрупкий,
весь в пометках белой крупки, –
темный здесь хрусталь, –
разобьется на осколки,
с неба выпадут иголки,
и придет февраль.

Из Цикла «Ненужные Сонеты»

Какая нынче выдалась ирга! –
черно от ягод, точно мир налажен,
и мне все симпатичнее рога,
как антитеза выходов и скважин,
куда ни ткни – на все сантиметры кость,
короткие, расклеванные хляби,
поерзай по закату, попогость,
и точно стая выползет из ряби,
оборотившись клином, косяком,
иною непогодой – черно-алой,
как будто вся ирга лежит виском,
как подражанье изморози талой.

..Но все еще на ветках – чехарда,
и близится падучая звезда.

Из цикла “Крит”

Я полюбил встречать рассвет,
смотреть на море,
пусть там, за бухтою – корвет,
и дети в ссоре, –
благословенной тишины
светла наука,
как будто снова влюблены,
и тенью звука
доносит ветер эхо с гор,
и эхо с моря,
и Спиналонга, как собор

в морском просторе,
хотя химерами полна
его аркада,
и синим брызги полотна,
зеленым – сада,
и свет лежит среди руин
и запустенья,
и в этот час уместен сплин,
но слышу пенье
и крики птиц, и всплеск волны,
рост камнеломки,
и дни гармонии полны,
такой негромкой.

***

Скажи-ка мне, мой друг пиита –
коль гол король – чем дышит свита? –
какие совершает па? –
коленца? – барыню? – вприсядку? –
что скорлупа? – ужели всмятку? –
ужель поэзия – глупа? –

Я тоже где-то слышал это... –
Зависла в воздухе монета,
и видишь некий ореол! –
вот так суждение людское
о старомодности покроя
пожалуй, меньшее из зол... –

Кривые зеркала страшнее –
по ним судить – давно на дне я,
и, чем небесней, тем темней –
не бесней – некуда прозрачней,
и снова в дымке пары фрачной,
как музыка – игра теней.
Не роль устала и не Йорик –
зарос травой пустынный дворик,
и зарастает ряской пруд –
все – отражение друг друга,

и не приходит ветер с юга,
и говорить - напрасный труд.

***

Давно ли я разыгрывал распас? –
Тот свет почти по Киплингу погас
и удалился, с чадом и угаром,
с азартом и тузами по углам,
и, что не зафиксировал калам,
то кануло во тьму ненужным даром.

Так лучше – на дощечке, на листах, –
ни перстня, ни колечка на перстах, –
коль слог в который раз грешит востоком,
но все же вот откуда лейтмотив –
все, что имел, отдав и отпустив,
останешься не с яблоком и роком –

с самим собой – а что же раздавал? –
то азбуку, то музыку похвал –
она-то и срывалась на дизель,
бекары, как любая похвальба,
и вот что мне оставила судьба
анналами причудливой аскезы –

колесико, спиральку, колесцо,
как дар терять и обретать лицо,
не угадать судьбу, но я – не Янус,
и за спиной – ни крыльев, ни стены,
и ни обрыва – прожитые дни,
скорее драгоценность, чем стеклярус.

***

так грязь оседает при стирке в тазу,
и руки дряхлеют, белея,
что было вверху – оказалось внизу,
не там, где темнеет аллея,
но около выхода (входа) в Аид,
где то ли круги, то ли срезы,

и сердце то ноет, то просто болит,
и кровь, точно ржа на железо,
как алый, на все налипающий снег,
ложится на вещи заката,
зато до кости оттираемый век
слагается в песни Эрато –

так что остается от гибельных веж,
что видится бурей в стакане,
что – белкой, грызущей алмазный орех,
что – грязью в распахнутой ране? –

Что нам остается? – и я не скажу,
за лишний обол не отвечу,
но между земным и небесным кружу,
надеюсь на скорую встречу.